

К вопросу о мужской сексуальности в эпоху сталинского тоталитаризма

Ирина Жеребкина

1. Сексуальность под пыткой:

«Даже тронуть тебя удавалось», или «А я очень люблю коммунистов»

Славой Жижек утверждает, что сталинский тоталитаризм - перверсивное общество, организованное не по эдипальному принципу удовольствия, а по принципу непристойного наслаждения. При этом, по его мнению, наивысшая сексуальная свобода в этот период состоит не в совершении «ужасных» эротических преступлений, которые должны нарушить естественные законы своим эротико-разрушительным произволом (поступками, которые не обусловлены естественной цепью причин и следствий), но в абсолютном произволе самого закона желания, который вторгается в однородную стабильность нашей ориентированной на удовольствие жизни и оказывается не средством сдерживания, а, напротив, чрезмерной силой желания, нарушающей гомеостатический принцип удовольствия. Не отсюда ли, с одной стороны, обнаруженные после 20 съезда КПСС всем известные сексуальные перверсии высшей сталинской номенклатуры, а с другой - буквальная возвышенность фигур Сталина и его круга в виде пропагандистских икон, обусловленная таким нарушением «нормального» желания, когда у ординарной субъективности в результате нет и не может быть идентификации с уровнем желания, находящегося по ту сторону «нормального» и «бытового» принципа удовольствия¹.

Другими словами, теоретический тезис Жижека нарушает привычное представление об эпохе сталинизма как асексуальной. С одной стороны, Светлана Аллилуева вспоминает, как однажды в детстве на юге в Сочи попалась отцу на глаза в детском платье с короткими рукавами, и Сталин в ужасе закричал: «Ты почему голая ходишь?», демонстрируя таким образом крайне пуританское отношение к проблеме детской сексуальности (более того, после этого он принес гувернантке дочери свои новые кальсоны и велел пошить из них Светлане

длинное платье, способное прикрыть голенькие ручки и ножки девочки). С другой стороны, узкий круг высшей номенклатуры кремлевских обитателей, по многим свидетельствам², ведет достаточно бурную и неординарную сексуальную жизнь. Воспитывающаяся в Кремле в семье старого большевика Лидия Шатуновская, на бытовом уровне наблюдавшая жизнь сталинской номенклатуры и опубликовавшая в 1982 году в Нью-Йорке свои скандальные воспоминания, приводит примеры обычных кремлевских разговоров: «...по многим догадкам и намекам моего мужа и по осторожным рассказам Евгении Аллилуевой я думаю, что сексуальный потенциал Сталина был очень невелик, несмотря на его кавказское происхождение, и что молодая, темпераментная Надежда от этого очень страдала. ...Об одной из таких измен - о связи Сталина с балериной Семеновой, которая позже стала женой видного советского дипломата Карахана, - говорил тогда весь город»³ и т.д. и т.п. Отнюдь не случайно поэтому критика сталинской эпохи началась с разоблачения ее откровенной и непристойной сексуальности (например, творчество Комара и Меламида и т.п.). Полину Жемчужину, Василия Сталина, Авеля Енукидзе, Лаврентия Берия и многих других в следственных заключениях перед арестами или расстрелами обвиняли в сексуальном разврате. Возможно, главным потрясением для советских обывателей после знаменитого 20 съезда КПСС была как раз обнаруженная сексуальная непристойность высшей партийной номенклатуры: в частности, в разосланном на места перед подготовкой съезда специальном партийном документе чтение описаний особенностей сексуальных преступлений Берия на местных партийных собраниях занимало, по данным Абдурахмана Авторханова в книге *Загадка смерти Сталина (заговор Берия)* (1976), не менее трех часов.

Наиболее шокирующей для современного читателя оказывается при этом не ординарная гетеросексуальность, а перверсивная гомосексуальность высшей сталинской номенклатуры. Сочувствующий Молотову писатель и журналист Феликс Чуев свидетельствует, что, когда во время одного из кремлевских банкетов подвыпивший премьер-министр Румынии Петру Гроза признался Сталину: «Вы знаете, я очень люблю женщин», то Сталин в ответ на это гетеросексуальное признание строго ответил: «А я очень люблю коммунистов»⁴. Не являются ли знаменитые ежедневные вечеринки соратников Сталина с их обязательным совместным пением и совместными танцами без женщин на сталинской ближней даче («признанный» танцор Микоян, по выражению Хрущева, прекрасно танцевал перед соратниками лезгинку, Булганин вытапывал в такт что-то русское, Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки»⁵) прямым свидетельством этого предположения? Не случайно, возможно, в этой среде были приняты ласковые гомосексуальные прозвища - «Ягодка» зовут Ягуду Горький, Сталин зовут гомосексуалиста Ежова «Ежевикой», а Берия - «мой дорогой Ежик». Не случайно поэтому гомосексуализм использовался зачастую и в оперативных целях: частности, по свидетельству Судоплатова, одно

из обвинений против министра госбезопасности Абакумова, поставленного Сталиным на должность после Берия с целью собирать компромат на Берия и других членов Политбюро, гласило, что «гомосексуалисты Гаврилов и Леонтьев, внедренные в американское посольство, были двойными агентами ЦРУ и МГБ»⁶. Возможно, не последнюю роль в разоблачениях Хрущевым культа личности Сталина на 20 съезде КПСС сыграла латентная гомосексуальность коммунистических соратников, которая в этот исторический период проявляется в двух основных видах - неявная (возмущающие Хрущева ночные застолья и танцы, их ночные посиделки без жен и детей до утра, ревность старого Сталина к близким отношениям соратников между собой и т.д. и т.п.) и явная, наиболее откровенно проявляющаяся под пыткой.

Конечно, искушенный в литературе, посвященной психологическим и сексуальным перверсиям, Сталин не верил признаниям под пыткой в той же степени, в какой не верил признаниям на исповеди. В то же время большую роль в пересмотре его взглядов на природу человеческой сексуальности произвели *несанкционированные* им признания из дела Ежова, от которых «Ежевика» не отказался даже под повторными пытками: «Имел половые сношения с мужчинами, используя служебное положение» или «В октябре или ноябре 1938 года у меня на квартире я имел интимную связь с женой подчиненного и с ее мужем, с которым имел педерастическую связь...» и т.д. и т.п.⁷.

Николай Бухарин в 1927 году на праздновании десятилетия ГПУ констатировал тот факт, что «ГПУ совершило величайшее чудо всех времен. Оно сумело изменить саму природу русского человека»⁸. Не можем ли мы в контексте вышесказанного утверждать, что традиционно контролируемая, сведенная к понятию «духовности» сама, по словам Бухарина, «природа русского человека» в этот период должна была с необходимостью (тем более под влиянием ГПУ) оборачиваться эксцессивной сексуальностью, которую репрезентируют в том числе, и неистовые партийные чистки на фоне полной контролируемости и прозрачности социальной жизни. Например, маленькая Елена Боннэр, из-за портьеры «красного уголка» наблюдая за партийной чисткой своего отца Григория Алиханова, узнала, что до брака с мамой у папы, оказывается, была первая жена, а также о том, что «некоторые люди бьют своих жен и пьют много водки»⁹. Не является ли это своеобразным «возвратом вытесненного» как обратной стороной полной социальной управляемости и рационализма в эпоху сталинского тоталитаризма?

Свидетельством страстной эксцессивной любви в эту по видимости асексуальную эпоху является поздняя любовь Николая Бухарина к Сталину, выраженная, как и всякая любовь, ретроактивно в знаменитых 44 письмах Бухарина к Сталину перед смертью:

«Ночь 15 апреля 1937 года. Коба!.. Вот уж несколько ночей я собираюсь тебе написать. Просто потому, что хочу тебе написать, не могу не писать, ибо и теперь ощущаю тебя как какого-то близкого (пусть сколько угодно хихикают в кулак, кому нравится)...».

«Я тебя сейчас действительно люблю - горячо, запоздалой любовью. Я знаю, что ты подозрителен и часто бываешь мудр в своей подозрительности...»¹⁰.

«Все мои мечты последнего времени шли только к тому, чтобы прилепиться к руководству, к тебе в частности... Чтобы можно было работать в полную силу, целиком подчиняясь твоему совету, указаниям, требованиям. Я видел, как дух Ильича почитает на тебе. Кто решился бы на новую тактику Коминтерна? На железное проведение второй пятилетки, на вооружение Дальнего Востока... на организацию реформы, на новую Конституцию? Никто... Мне было необыкновенно, когда удавалось бывать с тобой... Даже тронуть тебя удавалось».

«Я стал к тебе питать такое же чувство, как к Ильичу, - чувство родственной близости, громадной любви, доверия безграничного, как к человеку, которому можно сказать все, все написать, на все пожаловаться...»¹¹.

В интенсивной и страстной экономии новых и неожиданно обрушившихся на него отношений со Сталиным Бухарин чувствует себя вынужденным оправдываться перед ним даже за свои прежние гетеросексуальные отношения. «Хочу сказать тебе прямо и открыто о личной жизни: я вообще в своей жизни знал близко только четырех женщин,» - признается он Сталину¹². «Ты напрасно считал, что у меня «10 жен», - дальше оправдывается он за свои гетеросексуальные отношения с женщинами, - я никогда одновременно не жил»¹³. Ситуация представляется трагической, если учитывать, что у Бухарина совсем недавно родился ребенок от молодой жены Анны, которую он преданно любил, которая оставалась ему верной до конца своих дней после расстрела и социальной смерти мужа в бывшем СССР и которая была настолько красива, что, когда Берия вызывал ее на допросы, то, отдавая дань ее уникальной красоте, предлагал ей взамен лагерей удостоить его возможностью интимных отношений. Однако гордая и красивая Анна Ларина отказалась даже от сэндвича, предложенного ей Берия на допросе, предпочтя 20 лет лагерей и верность мужу интимным отношениям с известным сексуальным маньяком.

Трагедия и парадокс любовных отношений Бухарина к Сталину (как и других сталинских соратников) состояли в том, что все они были трагически

безответны - просто потому, что Сталин не верил в искреннюю любовь соратников и исходил из того, что все они лгут. Ведь даже любимый Алеша Сванидзе, по поводу расстрела которого Сталин так горько рыдал, вместо того, чтобы честно признаться в своих преступлениях, даже перед выстрелом лживо закричал «долгой жизни Сталину!». Сталин с горечью откомментировал это: «Свинья! Он соврал в своем последнем вздохе»¹⁴.

Проблема лжи рассмотрена Аленкой Зупанчич на примере анализа трагической лжи истериков, которые не отдадут и не могут отдать отчет в своих действиях. Кроме того, истерика страшит процедура «сведения к объекту» - как, например, страшит она Ипполита в знаменитой софокловской «Федре», когда он не хочет быть всего лишь объектом страстной любви несчастной мачехи (потому что истерик всегда хочет быть «больше, чем он есть»). Однако точно так же Бухарин и Алеша Сванидзе в их отношениях со Сталиным не хотят быть просто объектами его любви, они - можно сказать, в соответствии с современными активистскими гей-лесбийским или квир-политиками - сами хотят любить его и на этой основе формировать собственные, индивидуальные и творческие, основанные на ситуации «свободного выбора» стратегии любви. Например, Бухарин, видя, что Сталин не отвечает на его письма, то есть что он для Сталина - всего лишь объект (сидящий в тюрьме), требует тем не менее от него признать себя в качестве субъекта, настойчиво пишет ему письма вновь и вновь, давая в свою очередь Сталину возможность основания обвинять Бухарина о том, что он претендует быть «больше, чем он есть» и по-настоящему эгоистически любит только себя и свои гениальные страстные письма (а отнюдь не одинокого и страдающего адресата своей любви Сталина). Точно так же и Алеша Сванидзе не удовлетворяется гетеросексуальными отношениями со своей женой-красавицей оперной певицей Марией Сванидзе и претендует на статус личных отношений с вождем в качестве лакановского субъекта («того, кто знает») при Сталине. Другими словами, Алеша Сванидзе не хочет быть не только «объектом», но и даже просто «субъектом» при Сталине, претендуя фактически на статус лакановского Большого Другого, что, конечно же, не могло не травмировать Сталина. «Сталина вздумали перехитрить! Смотри-ка, Сталина захотели обмануть!» - говорил он о самом себе в третьем лице, как бы со стороны наблюдая каких-то жалких людей, которые пытаются провести его», по воспоминаниям Светланы¹⁵.

По той же схеме строились любовные отношения Сталина с Орджоникидзе: по свидетельству Серго Берия, всю жизнь Сталин не мог простить Орджоникидзе его предательство (в виде самоубийства), пронеся эту горечь, как и горечь от предательства жены, до конца своих дней. (Перед самоубийством Орджоникидзе Сталин, по свидетельству Серго, «предоставил ему выбор, который на самом деле не был выбором: либо открыто вступить с ним (Стали-

ным - И.Ж.) в оппозицию, либо поддержать все его гнусности»¹⁶. Орджоникидзе в этой ситуации выбора покончил жизнь самоубийством. «По мнению моего отца, - пишет Серго, - Орджоникидзе был слабым», однако Берия постоянно помогал ему).

В результате можно сказать, что хотя сам Сталин хорошо владел политическими технологиями предательства и учил своих сотрудников использовать их в качестве политически эффективных (в частности, по его распоряжению все агенты ГПУ использовались «в темную» даже в гуманных целях; например, некий «Макс» должен был при личной встрече с другом Сталина Броз Тито выпустить в него из одежды бактерии легочной чумы; чтобы сам «Макс» остался при этом жить, ему планировалось опять же «в темную» гуманно привить противочумную сыворотку¹⁷ и т.д и т.п.), однако в своей личной жизни бесконечно страдал из-за предательств самых близких и любимых людей - Надежды, Яши, Серго Орджоникидзе, Алеси Сванидзе и остальных, неожиданно обнаруживая себя традиционным патриархатным приверженцем верности и любви.

Именно поэтому Сталин так отчаянно сопротивлялся всем направленным на него любовным стратегиям окружающих, именно поэтому так радикально не хотел, чтобы его любили, повторяя при этом жижекковский парадокс любовных требований миллиардера, мечтающего, чтобы его любили за его миллиарды, а не за «прекрасную душу» (иначе его просто предадут, будучи нарциссически наваждены на самом деле своей собственной субъективностью, в то время как гарант миллиардов обеспечивает миллиардеру гарантию любви по договору).

В результате в своей личной жизни и неразрывно связанной с ней политической стратегии Сталин предпочитал, по свидетельству Роя Медведева, чтобы его боялись, а не любили. В этом смысле его личные политические стратегии можно, скорее, назвать тем, что Жижек называет «сексуальными стратегиями извращенца»: ведь извращенец, в отличие от неконтролирующего себя и потому лгущего истерика, прекрасно знает, чем он является для Другого - всего лишь объектом наслаждения, репрезентирующим только то, что Другой хочет.

С другой стороны, хотя политическая жизнь Сталина базируется на перверсиях (гомосексуальных и прочих), одновременно с этим всю жизнь он совершает отчаянную попытку сделать обмен в любви равным.

2. К вопросу о сексуальных домогательствах, или что такое «настоящая любовь»

Вопрос о сексуальных перверсиях как одной из основных характеристик эпохи сталинизма не может обойтись без обращения к фигуре того, кто, как известно, как раз и воплощает в истории советской Коммунистической партии антикоммунистический порок эксцессивной сексуальности, вылившийся в

форму многочисленных «сексуальных домогательств», а именно - к зловещей фигуре Лаврентия Берия, знаменитого сталинского палача и выдающегося сексуального маньяка в культуре 20 века.

Берия известен тем, что, продолжая наиболее передовые, ленинские политики использования сексуальности Коммунистической партией (одна из самых известных - история соблазнения и убийства Саввы Морозова с помощью любовницы Горького Марии Андреевой), так же цинично и откровенно использовал сексуальность в политических целях. В частности, еще в Грузии он использовал детскую сексуальность для свержения своего друга коммунистического лидера Абхазии Нестора Лакобы, а именно - организовал изнасилование Лакобой 15-летней дочери коминтерновского чина Гельмгольца, которую Берия подпоил и подсунул Лакобе в постель; эта история скандально закончилась тем, что девушка после изнасилования застрелилась. И хотя в ходе следствия была доказана невиновность Лакобы (так как девушка была пьяна и с детства развращена, сама по своей коварной воле напросилась в нему в постель, а потом сама же и застрелилась и т.п., воплотив, по словам жены Лакобы красавицы Сарии обычную стратегию «пьяных и развратных русских женщин»), тем не менее считается, что этот базированный на сексуальной провокации шаг в бериевской национальной политике был первым на его пути к единовластию на Кавказе при формировании им Закавказской Федерации. Собственно, и другому своему другу Мир-Джафару Багирову, первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана (безжалостно расстрелянному Хрущевым после свержения Берии) Берия, по утверждению Владимира Аллилуева, помог зверски убить свою первую жену и организовать потом то, что называли «особым гаремом» Багирова (он жил одновременно со своей второй женой-немкой и ее двумя сестрами), чтобы заставить таким образом первого секретаря ЦК КПСС Азербайджана навсегда подчиняться своим политическим требованиям, в том числе в сфере национальной политики на Кавказе.

История его женитьбы на Нине Гегечкори, сестре министра внутренних дел Грузии и председателя ревкома Грузии Саши Гегечкори также в этом контексте связана с изнасилованием в политических целях - с целью укрепления своего статуса никому не известного тогда бедняка, отчаянно делающего чекистскую коммунистическую карьеру в среде грузинской политической элиты. По воспоминаниям Светланы Аллилуевой, «Нина жила в менгрельской деревне. Узнав, что приехал сам начальник ГПУ Грузии, Лаврентий Берия, она пошла попросить его о своем брате, который был арестован. Берия приехал в специальном вагоне. Нина вошла в вагон и уже никогда больше не видела родной деревни. Ее увезли, потому что она была красива и понравилась начальнику. Он запер ее в купе, и так она стала его женой»¹⁸.

Конечно, Берия неизменно нравился женщинам: ведь, по свидетельству современников, он был спортсмен, прекрасно плавал, играл в теннис, прекрас-

но одевался и следил за своей внешностью, заботился о своем имидже, и даже маленькая Нами Микоян, отца которой он фактически убил, находила его предельно обаятельным, даже в детские годы чувствуя невероятный мужской шарм Берии. Именно поэтому Берия и стал одним из самых известных сексуальных маньяков в истории 20 века: как стало известно после 20 съезда КПСС, Берия, хватая на улицах Москвы и сажая в свой страшный автомобиль, изнасиловал 760 женщин, множество из которых были несовершеннолетними.

На первый взгляд, сексуальная стратегия Берии сродни сексуальному рационализму знаменитого Дона Жуана, для которого, по мнению Славоя Жижека, рациональную цель познания (женщин в качестве сексуального объекта) представляло лишь абстрактное их количество при полной нивелировке конкретных характеристик, способных, как и любое конкретное, поставить под сомнение и нарушить общую стратегию абстрактной (сексуальной) гносеологической рационализации. Однако, возможно, отношения Берии с многочисленными женщинами строились в терминах современной теории «сексуальных домогательств», которая стала столь популярной в современной философии после шокирующей формулировки Славоя Жижека о том, что без сексуальных домогательств не может быть и самой любви? Напомним, что Жижек понимает сексуальные домогательства как структуру лакановского «прибавочного наслаждения», которое всегда больше, чем сама его цель. В этом смысле сексуальные домогательства, по Жижеку - это всего лишь страстное желание *jouissance* Другого, зависть к наслаждению Другого, на которое Другой неожиданно отвечает ...мерами по ограждению себя от любящего его субъекта (не менее, чем на сто ярдов, по ироничному свидетельству Жижека, как в некоторых современных американских законодательствах)¹⁹. И не в соответствии ли с этими мерами по ограждению себя и своей идентичности поступали многочисленные и ординарные советские женщины по отношению к страстному неординарному сексуальному желанию Берии, огораживая себя от него, поскольку оно фрустрировало и подрывало их привычную рациональную асексуальную советскую жизнь, вводя в нее критерий нерационального фантазматического «прибавочного наслаждения», вычеркнутого из рутинной советской повседневности? Ведь даже если попытаться объяснить сексуальные перверсии Берии рационально его корыстными политическими интересами - например, желанием стать главной потентной политической фигурой в стране, способной заменить великого Сталина и т.д. и т.п., то сама цифра 760 свидетельствует о невероятном. Не поэтому ли даже следствие по его уголовному делу, организованному членами Политбюро исключительно с целью прямого и немедленного физического уничтожения Берии (из-за страха быть физически уничтоженными им), не только не смогло утилизировать 760 показаний, но и не смогло провести ни одной необходимой в этом случае экспертизы, просто не справив-

шись с этим потоком свидетельств «прибавочного наслаждения»? Из всего потока женских заявлений об изнасилованиях доказательным в материалах уголовного дела осталось, по свидетельству Андрея Сухомлинова, лишь одно - от молоденькой Ляли Дроздовой, преданной любовницы Берия, родившей от него сына, которую он взаимно любил и что доставило истинную боль Нине Теймуразовне в последние годы жизни с мужем («29 марта 1949 г. умерла внезапно моя бабушка, мамина мама. Мама потеряла сознание и ее отправили в больницу. Я осталась одна под присмотром соседей. Однажды я пошла в магазин за хлебом по ул. М. Никитской, в это время вышел из машины старик в пенсне, с ним был полковник в форме М.Г.Б., когда старик стал меня рассматривать, я испугалась и убежала, за мной пошел мужчина до дома. На другой день 7 мая к нам пришел полковник, оказавшийся в последствии Саркисовым. Саркисов, обманным путем под видом оказания помощи маме и ее спасения от смерти, завел меня в дом по М. Никитской и стал говорить, что маму спасет его товарищ, очень большой работник и очень добрый, очень любит детей и помогает всем больным. В 5-6 часов вечера, 7 мая 1949 года, пришел старик в пенсне, т.е. Берия, очень ласково со мной поздоровавшись, сказал, что не надо плакать, маму вылечат и все будет хорошо. Нам дали обед. Я поверила, что это добрый человек, в такое тяжелое для меня время (умерла бабушка и при смерти мама). Мне было 16 лет, я училась в 7 классе...» и т.п.²⁰).

Отсюда возникает теоретический вопрос - так можно ли Берия вслед за его сыном Серго назвать рациональным субъектом в отличие от безумного Сталина, если его сексуальные стратегии строятся по лакановской схеме нерационального «прибавочного наслаждения» (по аналогии, например, с нерациональными стратегиями Била Клинтона в его нерациональных сексуальных отношениях с Моникой Левински)? И хотя именно сексуальные перверсии оказались в результате не только одной из основных причин его последующего расстрела, но и позже основной причиной отказа власти от его посмертной реабилитации, однако Славой Жижек обращает внимание на тот парадокс действия, что если человек совершает свое действие нерационально, в частности, по приказу, когда действие и не является собственно «его» действием, то и в факте наказания оно тем более так и не станет «его» действием, оставаясь по-прежнему таким же посторонним субъекту, как и в момент его свершения.

Уникальная цифра 760 может указывать, скорее, на другое - что отнюдь не «объект», а сама любовь как структура («непатологическая любовь»²¹), которая не зависит от своего случайного объекта (760 разных женщин) и мотивируется не определенным объектом, а только формой любви - *я люблю ради самой любви, а не ради того, что отличает ее объект*²² - является главной формой сексуальной стратегии Лаврентия Берия.

В этом смысле безусловно правы как Серго Берия, который в своей знаменитой книге *Берия, мой отец* (1994, 2002) даже не упоминает про такую

гнусную ложь, как примитивный сексуальный разврат отца, так и жена Берия Нина Теймуразовна, которая, по свидетельству Ларисы Васильевой, автора книги *Кремлевские жены*, с презрением отвергла историю про 760 изнасилованных женщин, утверждая, что на самом деле они были агентами Берия в его тяжелой и ответственной работе разведчика, в том числе в работе по созданию атомной бомбы, но из страха признаться в рабочих связях с арестованным боссом предпочли признаться в интимных отношениях с ним²³.

3. Мужской гомосексуализм и лесбийские отношения: некоторые особенности в эпоху сталинского тоталитаризма

Несмотря на поиски «прибавочного наслаждения» внутри структуры гетеросексуальной любви, Берия одновременно - в противовес массмедийным представлениям о Сталине как об «азиате», «необразованном дикаре» и т.п. - по свидетельству его сына Серго, находится во власти исключительного сталинского обаяния: даже когда Сталин публично совершает всем известные нерациональные и произвольные действия (нерациональное уничтожение собственной семьи, нерациональные и жестокие массовые репрессии, нерациональный расстрел высшего военного командования перед войной и т.п.), по видимости направленные на саморазрушение, Берия, со слов Серго, утверждает, что «это не паранойя, это его метод, который он использует давно, как я понял, когда изучал его архив»²⁴. По его мнению, псевдоним «Коба» возник на самом деле из слова «кобра», поскольку Сталин смотрит на людей «как кобра на кролика», другими словами, он как искушенный политик делит людей на тех, «кто понимает» и на все остальное человечество, с которым можно было не считаться²⁵.

Обаяние Сталина было столь велико для его близкого (мужского и женского) окружения, что, несмотря на причиненную им семейную трагедию, Серго Берия признается в любви к нему даже в момент семейной катастрофы, то есть ареста отца и последующего за ним собственного ареста и ареста мамы: «Если бы он попросил пожертвовать моей жизнью ради него, я подчинился бы без колебания»²⁶.

Рассмотрим на примере Серго Берия и Светланы Аллилуевой некоторые особенности перверсивных сексуальных практик политической субъективации в этот период. Их общим отличием является тот очевидный факт, что если дочь Светлана предала своего великого фаллического отца, восстав против него и совершив тем самым один из первых *феминистских* жестов в советской культуре, то сын Серго, напротив, даже под угрозой расстрела не предал «палача и сексуального маньяка» Берию, преобразуя его в прекрасного и заботли-

вого отца и сам выступив при этом верным сыном, восставшим против традиционной русской практики отцеубийства.

По словам Светланы, все началось с того момента, когда она в одном американском журнале неожиданно прочла о том, что мама покончила с собой, и ей с тех пор «не было покоя. Я вспоминала то, что могла помнить. Я думала об отце, о его характере, о том, как в самом деле, трудно с ним; я искала причин, но никто не хотел мне толком объяснить... Что-то рухнуло во мне самой и в моем беспрекословном подчинении воле, слову, мнениям отца...»²⁷. Конечно, ее история - это история связанных с отцовской патриархатной репрессией женских травм. Сначала ранние, когда она чувствовала прямое физическое отвращение со стороны отца - и когда в детстве он отдал гувернантке свои кальсоны, чтобы пошить платье и прикрыть ее детское тело, и когда в подростковом возрасте она впервые влюбилась (в сорокалетнего Каплера), претендуя на статус самостоятельной взрослой женской сексуальности («"Любишь!" - выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову - и я получила две пощечины, - впервые в своей жизни»²⁸), и когда он не пришел в роддом, когда Светлана родила дочку Катю, ограничившись письмом о том, что «государству нужны люди». Серго в книге своих воспоминаний рассказывает, что, когда Светлана спросила отца, была ли мама красивой, Сталин рассмеялся и сказал: «У нее были лошадиные зубы», а Хрущев вспоминает, как Сталин на глазах всех членов Политбюро схватил взрослую Светлану за волосы, принуждая ее танцевать в их пьяной гомосексуальной компании.

В результате компенсацией для Светланы становятся ее отношения с женщинами - с няней и гувернанткой, с бабушкой и тетями, с подругами матери (Полиной Жемчужиной, Дорой Хазан, супругой Андреева), с подругами по школе и однокурсницами по университету, после отъезда в Америку - с новыми американскими подругами (Присциллой Джонсон, Розой Шенд, Френсис Ллойд Райт и др). Когда она находилась в промежуточном состоянии политического выбора на родине своего индийского мужа в Индии, выбирая между СССР и США, она также была окружена исключительно женщинами, разделявшими с ней ее участь; собственно, и ее муж-индеец был выбран ею по критериям женского: он был пацифист, не разрешал убивать комаров или мух, очень трепетно и деликатно относился к чужой жизни, и только ему она могла доверить свои душевные муки. Особое место в воспоминаниях Светланы занимает ее особая любовь к красавице и умнице Нине Берия: именно поэтому она радикально, против общепринятой советской пропаганды утверждает в книге *Только один гол* (1969), что неправильно искусственно возлагать вину за коллективные преступления только на мужа Нины Лаврентия Берия. В результате ее поступок предательства по отношению к отцу и жест идентификации с женщинами на теоретическом уровне может быть сравнен с известным ради-

кальным феминистским жестом фрейдовской Доры с ее лесбийским желанием не в отношении отца или господина К., но госпожи К.

Более того, в терминах феминистских практик субъективации Светлана нисколько не сожалеет о предательстве, но, напротив, принципиально отвергает традиционную патриархатную структуру вины: «И сейчас смотря, как в перевернутый бинокль, на всю его жизнь и на него самого, я чувствую, как далеко от меня все это. И радуюсь непривычному, легкому чувству внутренне-го освобождения»²⁹. Западные теоретики лесбийской культуры объясняют такое поведение тем, что в лесбийской культуре вообще - поскольку отсутствует функция фаллоса - отсутствует и традиционный фаллический модус предательства и связанное с ним чувство вины (что когда-то не смогла понять Марина Цветаева в ее отношениях с Софией Парнок).

Более того, также по аналогии с Цветаевой в ее отношениях с Парнок, Светлана не сожалеет и об оставленных ею в бывшем СССР детях. И напротив, в терминах современной западной феминистской теории требует от них, что они должны понять и принять ее индивидуальный свободный выбор, одной из немногих женщин в русской культуре отстаивая свою функцию индивидуального женского по отношению к традиционной функции материнского.

В отличие от Светланы, Серго, как уже было сказано, не предает своего отца даже ценой собственной жизни, повторяя в этом логическом жесте выбор своего друга Василия Сталина. Когда его повели на расстрел, требуя предать отца и дать порочащие его показания, он ни капли не сомневался в своем поведении, и только одно оскорбило его достоинство - что стрелять в него будут какие-то бездарные плебеи: «Неужели я умру от рук этих подлецов?». Поэтому он гордо крикнул своим палачам: «Скоро придет и ваш черед!»³⁰. Примечательно при этом, что в мемуарах Серго Лаврентий Берия - не мерзкий сталинский палач, насилующий женщин и собственноручно убивающий людей во время пыток на допросах, а бескомпромиссный борец против сталинской системы власти и ее логической абсурдности: и действительно, именно Берия, как известно, оказался единственным из всего сталинского Политбюро в тот роковой день 1 марта 1953 года, когда Сталина хватил инсульт, кто решительно отказался помочь лежащему на полу в луже собственной мочи умирающему диктатору, безнадежно протягивающему к соратникам руку за помощью («Я до сих пор помню этот его неясный жест», вспоминает Молотов...). Подчеркнуто игнорируя протянутую сталинскую руку, Берия, как известно, выскочил за дверь со знаменитыми словами «Хрусталеv, машину!», оставив диктатора умирать.

Одновременно мемуары Серго Берия примечательны тем, что он, делая отца бескомпромиссным борцом против Сталина, использует в пользу этого аргумента факт неординарной любви Берия не к вождю (как традиционно у

гомосексуально ориентированных подчиненных в тоталитарных обществах), но к семье на фоне ненормальных неантропологических отношений в семьях сталинского Политбюро, которые «сдавали» своих родственников и в которых не было ни любви мужей к некрасивым и невыразительным женам (и которых они потому и сдавали в лагеря, как Ворошилов, Молотов, Калинин или Покребышев), ни любви к детям (Сталин позволил одному сыну стать алкоголиком, а второго не обменял на немецкого маршала во время войны; Микоян позволил арестовать своих двух несовершеннолетних сыновей, даже не спросив у Сталина об аресте и покорно дожидаясь, пока сам Сталин не соизволил через несколько месяцев отпустить их обратно к отцу и т.д., и т.п.).

Серго принадлежал к советской элите и одновременно к княжескому грузинскому роду: Сталин говорил в связи с этим, что Нина Берия - единственная женщина, которой он может позволить себе поцеловать руку³¹. Экономка семьи Берия княжна Такашвили с раннего детства объяснила маленькому Серго, что поскольку он происходит из княжеского рода, то имеет «абсолютное право на все эти привилегии»³². С рождения к нему была приставлена немецкая бонна, которая полностью организовала быт ребенка на немецкий лад, а Нина Теймуразовна, по словам Светланы, «отдала все силы единственному сыну, и достигла хороших результатов: сын получил хорошее образование, знал немецкий и английский, и стал одним из первых инженеров-ракетчиков в стране, создавшим первые управляемые снаряды»³³.

Поэтому и в момент расстрела Серго совершает княжеский жест, гордо бросив своим палачам: «Скоро придет и ваш черед!». Поразившись его преданности отцу, эти бездарные русские «подлецы» отпустили его из тюрьмы, позволив вместе с матерью уехать на Урал, предложив только поменять фамилию отца (Берия) на фамилию матери (Гегечкори).

И здесь происходит неожиданное - если борющийся за честь отца Гамлет, как известно, трагически умирает от шпаги Лаэрта, а Василий Сталин в той же ситуации выбора категорически отказывается поменять фамилию отца, предпочитая остаться в тюрьме и умереть (от алкоголизма), то гордый и независимый княжеского рода Серго Берия после выдержанного испытания расстрелом неожиданно предает отца. Уже в безопасной для жизни ситуации он, во-первых, соглашается поменять фамилию отца на фамилию матери (от чего отказался Василий Сталин) и, во-вторых, соглашается верно служить системе убившей его отца новой власти, достигая в конце концов высокого места в системе ее иерархий. В терминах Лакана, Серго Берия предпочел неожиданно модусу «чести» модус «жизни», осуществляя так называемый «выбор раба» против «выбора господина». Трагедия превращается в комедию: если обычно трагедия есть субъективация через вину, то Серго за счет преданной службы новой советской власти стремится доказать свою невиновность перед ней, совершая таким образом противоположный самому жанру трагедии жест отказа от вины.

Выбор в пользу невинности настолько радикален, что даже Нами Микоян, всю жизнь мечтавшая посмотреть Серго в глаза с единственной целью запроса о вине, встретив чрез годы добродушного семидесятилетнего Серго, теряет свой упрек и неожиданно мирно сплетничает с ним о бывших знакомых. Другими словами, Серго Берия не хочет признать *себя* в тех действиях, которые являются *его* действиями, предпочитая, как Эдип, метафорически выколоть глаза.

Видимой причиной такой метаморфозы субъективности можно было бы назвать страх после перенесенной инсценировки расстрела не столько за свою жизнь, сколько за жизнь «невинной жертвы» - мамы Нины Теймуразовны, однако гордая Нина Теймуразовна не допустила бы этого.

Возможно, причиной уникального статуса Серго *«ни невинный, ни виноватый»*³⁴ является логический жест перекладывания вины на Другого: виновен не «я», а «другие» - например, грубые и примитивные конкуренты отца Хрущев, Булганин или Маленков и т.п. Именно по такой схеме, по мнению Аленки Зупанчич, строится также и защита Эдипа перед афинским хором, обвиняющим его в совершенных им преступлениях: если бы не встреченные мною случайные «другие» (случайный агрессивный прохожий на дороге (Лай) или случайно встреченная правительница чужого государства (Иокаста)), **«я никогда бы не убил своего отца и не спал бы со своей матерью».**

Однако, возможно, у гордого Серго базовым является не этот комический психотический жест перекладывания вины на другого. Возможно, напротив, в жесте отказа от вины Серго является отнюдь не комическим (как Эдип), а трагическим (как Гамлет) героем, фабрикующим миф, в котором из-за трагической нехватки идентификации удваивает отцовскую и/или материнскую фигуры и приписывает этому двойнику все те качества, которые отсутствуют в эмпирических фигурах. Что-то в отце, в частности то, что больше, чем эмпирический отец иногда воплощается в другой мужской фигуре (у Гамлета или Нами Микоян они воплощаются, например, в фигуре дяди), а то в матери, что больше, чем материнская роль, не просто материнский асексуальный, но женский сексуальный объект воплощается в фигуре другой женщины (для Светланы Аллилуевой такой фигурой оказалась красавица и умница Нина Берия, которая нравилась Светлане на самом деле гораздо больше, чем Нинин сын Серго, за которого она так отчаянно и упорно, и назло Нине стремилась выйти замуж). В случае Гамлета такой символической фигурой «больше, чем отец» является, по утверждению Аленки Зупанчич, не обманутый отравленный отец Гамлета, но его грозный Призрак. Однако здесь мы можем отметить, что и в случае верного по видимости сына Лаврентия Берия Серго структурой «больше, чем отец» неожиданно оказывается не обманутый соратниками и уничтоженный ими его эмпирический отец (Лаврентий Берия), а восставший после позорной эмпирической смерти в луже мочи символический фаллический Сталин, в качестве мертвого символического сумевший победить и уничтожить

его эмпирического обманутого отца, оказавшегося не равным своей функции фаллического отцовства. Именно поэтому Серго в книге воспоминаний, мучаясь и размышляя, не может в принципе ответить на мучительный вопрос о том, почему его умный и рациональный отец допустил свое падение уже после смерти своего главного противника, уступив таким политическим ничтожествам, как Хрущев или Маленков. Не эти ли трагические, оставленные без ответа размышления являются главной трагедией пережившего ради отца собственный расстрел Серго, равной по силе трагедии Гамлета?

Что же было основным результатом сыновней трагедии и трагических размышлений Серго? И здесь мы можем предположить причину, более парадоксальную, чем та, которая была названа выше. Основной причиной сыновней трагедии Серго было неявное и щемящее чувство, что это не он, Серго, предал отца, а, напротив, это отец предал его (и красавицу и умницу маму) после своей смерти, обманув их фаллические ожидания. Сыновняя трагедия Серго Берия - того же уровня, что и знаменитая лакановская, прозвучавшая в известном вопросе мертвого сына отцу, не сумевшему спасти его от гибели: «Отец, разве ты не видишь, что я горю?» Именно отсюда безумное и трагическое признание Серго Берия по отношению к чужому отцу Сталину в момент гибели собственной семьи по приказу последнего: «Если бы он попросил пожертвовать моей жизнью ради него, я подчинился бы без колебания»...

4. К вопросу о квір-сексуальности в сталинский период: Сталин, Жанна д'Арк и Ленин

Если мы согласны с тезисом Славоя Жижека о том, что тоталитаризм, подчиняясь принципу непристойного наслаждения, не попадает под простую дефиницию сексуальности, связанную с идентификацией по принципу удовольствия, то мы должны признать также и тезис о трансгрессивной сексуальности, выходящей за рамки перверсивного принципа удовольствия и перверсивной идентификаторной метафизики.

Рассмотрим в этом контексте отношения самой известной коммунистической копулы современности - Ленина и Сталина, которые только на первый взгляд вписываются в ту схему перверсивной гомосексуальности, которую мы описали выше.

Почему Сталин так преданно и неизменно любил Ленина всю свою жизнь? Апелляция к Ленину была первичной в сталинской системе ценностей до конца его дней: например, даже в трагический для страны момент поражения в начале войны в 1941 году Сталин, по утверждению Хрущева, думал не о стране и даже не о себе, а о возможной потере завоеваний Ленина - «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда»³⁵. Ведь даже Серго Берия, которому отец

откровенно рассказывал о выдающемся цинизме Сталина, отмечает, что никогда не слышал, чтобы Сталин что-то плохое сказал о Ленине.

Укладывается ли эта любовь в описанную нами выше перверсивную структуру гомосексуальности?

На первый взгляд, безусловно, да. Отношение «чудесного грузина» к Ленину было таково, что Сталин, страдая с молодой женой Екатериной Сванидзе и сыном Яшей от голода в предреволюционном Тбилиси, не давал тем не менее добытых в апроприациях денег ребенку на молоко, а все до последней копейки пересылал за границу Ленину.

Этот факт не может быть объяснен ordinarily сентиментальностью ordinarily тирана. Только неordinary субъект мог, как Сталин, в возрасте 18 лет сознательно выдать полиции, по свидетельству Авторханова, свой марксистский кружок в Тифлисской духовной семинарии с тем, чтобы заставить кружковцев пройти суровые тюремные испытания и сделать их тем самым настоящими революционерами. Сидя вместе с ними в тюрьме, он, с детства привязанный к книжной культуре, единственный проходил под ударами тюремщиков сквозь строй с книгой в руках, ни на секунду не отвлекаясь от чтения и преподнося тем самым уроки неordinary «стального» мужества своим молодым товарищам³⁶.

Отсылая все деньги Ленину, сам Сталин ходит в одном и том же черном пальто и одной серой шляпе. Именно таким в 1913 году в Вене его впервые увидел Троцкий в квартире у Скобелева - сына бакинского богача и своего поклонника. «Внезапно без стука открылась дверь и... на пороге появилась странная фигура: очень худой человек невысокого роста со смугло-серым оттенком лица, на котором ясно виднелись следы оспы. Во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было принять за приветствие, налил молча стакан чаю и молча вышел»³⁷. Ленин в это же время пишет о Сталине Горькому с расистским пренебрежением аристократа без упоминания имени или фамилии: «У нас один чудесный грузин засел и пишет большую статью»³⁸.

Тот факт, что внешне Ленин - «не великан», по выражению Сталина в одном из писем после состоявшегося в Лондоне личного знакомства, потрясло его еще больше, чем заворожившие его ленинские тексты.

Сталин настолько был предан Ленину, что, как и Малиновский, стал провокатором по его поручению³⁹. Тем более ему было обидно, что, когда полиция поняла его двойную игру и перестала помогать («и возможно, Малиновскому позволили его выдать...»⁴⁰), то Ленин пожертвовал им: выполнять поручения Ленина из-за границы стали другие «товарищи». Во всяком случае, Ленин не ответил ни на одно письмо Сталина из Туруханской ссылки и впервые неожиданно не дал приказа бежать. Когда же с образованием Русского бюро ЦК ин-

терес к Кобе вновь возродился, Ленин не мог вспомнить даже его фамилию: «Большая просьба, узнайте фамилию Кобы (Иосиф ДЖ.?.)»⁴¹.

И несмотря на предательство, классовую и расовую дискриминацию, любовь Сталина к Ленину была абсолютной.

Очевидно, причиной этой абсолютной любви является сложная и гетерогенная структура ленинской субъективности, вызывающая у Сталина интенсивный чувственный отклик. По мнению современных исследователей, Ленин не имеет единой структуры субъективности и распадается по меньшей мере на две части - традиционный гуманный образ Ленина на фоне «кощунственного» Сталина и негуманный, еще более жестокий и «кощунственный», чем сам «кощунственный» Сталин. Например, известный исследователь эпохи тоталитаризма Дмитрий Волкогонов обнаруживает, что гуманист и демократ Ленин был способен на жестокость даже большую, чем «этот азиат». С одной стороны, Волкогонов вынужден отметить гуманизм Ленина в отношениях с близкими - семьей, Крупской и Инессой Арманд, его, в частности, высокую этичность в личных отношениях с Крупской, чему трагически должна была подчиниться Инесса Арманд (в терминах Славоя Жижека эту ситуацию можно было бы объяснить тем, что Ленину, как и всякому мужу, нравилось такое положение дел, чтобы на самом деле не соединяться с возлюбленной). С другой стороны, изучая официальные документы, Волкогонов обнаруживает бессмысленную и нерациональную, а потому произвольную жестокость Ленина во многих его приказах и постановлениях (например, в приказе «перейти границу хоть на одну версту и повесить там 100-1000 их чиновников и богачей»⁴² и т.п.), что радикально противоречит его скромному и заботливому личному этическому поведению.

В результате, вслед за известным исследователем феномена Ленина Славоем Жижеком, можно утверждать, что в структуре ленинской субъективности переплетены два уровня ее функционирования: первый - безусловно-этическое (что проявляется в отношениях с конкретными людьми), второй - прагматически-политическое этическое (что проявляется на уровне выполнения абстрактных революционных задач), или, используя терминологию Жижека, «безусловное этическое предписание, которое невозможно выполнить» (или «принципы») в первом случае и «поступки» во втором, между которыми лежит нередуцируемый разрыв⁴³. Возможно, логической причиной сталинской любви угнетенного к угнетателю, ученика к учителю и было признание нового смысла этического категорического императива, базированного на категорической двойственности и вышеназванном разрыве между «принципами» и «поступками». Ведь, следуя утверждению Жижека, Ленин действует как лакановский «господин», который не боится исповедовать мораль и этический аристократизм «господина» ради революционной ситуации - в отличие от Сталина, который хотя и является в новой постреволюционной ситуации новым «господином», однако

не желает признавать, что он является таковым и преподносит себя в виде простого «слуги» народа⁴⁴. (Сталин при этом, конечно же, ученически тщательно старался всю жизнь следовать двойственному этическому императиву Ленина: например, заботливое постановление о дальнейшем сохранении ленинской мумии в Кремле и безжалостное постановление о расстреле мирных жителей в белорусской Катыне он подписывает в один военный день 1941 года.)

Почему же Ленин, по мнению Сталина, имеет этот знаменитый лакановский статус «господина», который сам Сталин не может присвоить и легализовать? Потому что Ленин (недаром соратники за мудрость даже в молодости называли его «стариком»), в отличие от Сталина, не подчиняется сформулированному Жижекком «правилу удвоения» (я никогда не бываю в полной мере тем, кем, согласно своему символическому мандату, я являюсь; удвоение и означает на самом деле разрыв), реализую такую стратегию репрезентации, когда субъект и его место совпадают⁴⁵. Иллюзия жеста «господина», которая принадлежала, безусловно, Ленину, в истории их сложных и мучительных для Сталина взаимоотношений (более трагических даже - как и всегда в таких случаях - с мертвым Лениным, чем с живым), заключается в полном совпадении между уровнем высказывания и уровнем высказанного содержания, оформляясь в структуру речевого акта, который полностью поглощает я, в котором «я - это то, что я говорю»⁴⁶, то есть полностью осуществленный и самодостаточный перформатив, перед которым Сталин не может устоять, тем более, что эффект перформатива реализуется на практике в *успешном* революционном действии по преобразованию социальной действительности.

И не дай Бог самому «господину», по мнению Жижека, задаться вопросом, что же на самом деле делает его «господином»? В то время как проблема Сталина, в отличие от Ленина, как раз и состояла в том, что Сталин задавал этот мучительный вопрос не только в молодости. Всю жизнь Сталин мучился знаменитым лакановским вопросом «Вы говорите мне это, но что вы хотите этим сказать?», подразумевающим в пределе необходимость пытки, в то же время трагически понимая, что на пыточный вопрос никогда не будет найден истинный ответ, так как все ответы одинаково фантазматичны (поэтому он и не верил Алешиному крику перед смертью, любви окружающих, женщинам Аллилуевым и т.п.).

В результате Сталин вынужден был, как уже было сказано по свидетельству Бориса Илизарова, так много читать, *только из книг* приобретая категорическую двойственность и безумие («господина»), а не обладая им априорно, по рождению. По этой же причине Сталин всю жизнь вынужден был много работать, не отдыхать, даже почти не пить и постоянно рефлексировать. Отсюда и вечно горящее по ночам окно в его кабинете в Кремле, о чем было известно любому советскому человеку. Известен пример, когда, войдя в кабинет, подчиненный о чем-то спросил Сталина, но Сталин молчал, и только через 20 минут, когда подчиненный, не дождавшись ответа, выходил из кабинета, Ста-

лин, наконец-то, продумав все возможные варианты, ответил: «Нет» (эта медлительная и вынужденная расчетливость, которую так ценят и одновременно боятся Лаврентий и Серго Берия, на самом деле была тайной трагедией Сталина по сравнению с мгновенно реагирующим Лениным).

По критерию успешных социальных результатов политического действия в рамках неидентификаторной метафизики мы можем сравнить политическую субъективность Ленина разве что с уникальной политической субъективностью Жанны д'Арк, в политической репрезентации которой, направленной на спасение Франции, также, по мнению Славоя Жижека в книге *Вторая смерть оперы* (2002), характерен не разрыв действия и желания (или воображаемого и желанного), как у требующей захоронения брата Полиника античной политической героини Антигоны (поскольку у Антигоны совпадение этих двух разных модусов реальности - политического действия сопротивления и сексуального инцестуозного желания - происходит только в эксцессе празднования самоубийства как удостоверения «чистого желания», а не ее политических требований), а совпадение. Ведь Жанна д'Арк, как и позже Ленин, в качестве политического деятеля делает именно то, что она желает: она хочет спасти Францию и она спасает ее. У нее при этом нет ни сексуальных желаний (так как она девственница), ни желания власти (так как она отдает ее королю). В результате Жанна д'Арк делает только то, что нужно для спасения Франции - возглавляет войска не из-за личного честолюбия (как это позже делала, например, сталинская номенклатура), а исключительно потому, что народ просит ее об этом, и одерживает победы, потому что они нужны Франции. Совпадение с революционной стратегией политического действия Ленина состоит в том, что у них обоих отсутствует конечное разочарование в своем «избыточном поступке» (обычно действующее по схеме разочарования, что достигнутое некое «это» - на самом деле «не то», то есть отсутствует традиционное для логики желания конечное меланхолическое разочарование⁴⁷). Оба они воплощают в своей политической деятельности политический жест во всей его чистоте - то есть реализуют не определенные политические интересы (например, интересы пролетариата в случае Ленина или женские политические интересы в случае Жанны д'Арк), а политику как чистую универсальность: для всех. Ведь Жанна, так же как и Ленин, сражалась за общий национальный интерес своей страны (России или Франции). Такое универсальное требование обычно невозможно перевести в определенный социальный порядок; отличие Ленина от Жанны д'Арк и его радикализм в этом вопросе состоит в его революционном эксперименте по созданию совершенно нового социального порядка, а не отстаивании общих универсальных интересов старого.

Вошедший в историю политический радикализм Жанны состоит, как известно, и в том, что она не пожертвовала своей политической индивидуально-

стью (ношением мужской одежды в качестве лидера войска) под угрозой смерти (именно аргумент мужской перверсивной одежды оказался тем аргументом, по причине которого, воспользовавшись им, церковные обвинители отдали приказ о сожжении Жанны), совершив политический выбор «господина» - выбор смерти (и чести) против выбора жизни. Для современного американского квир-теоретика Джудит Батлер квир-переодевание является одной из самых эффективных практик современной политической борьбы, на которую способны, по ее мнению, только квир-неидентифицированные, отказывающиеся в своем трансгрессивном политическом действии обслуживать традиционные (сексуальные) идентификации власти. Но всем известно и о переодеваниях Ленина в ту роковую ночь по пути в Смольный, которая стала, как известно, ночью Революции. И хотя из-за этого переодевания его часто, как и Керенского, обвиняют в политической трусости, однако именно этот ночной жест политической трансгрессии обеспечил в результате всем известный утренний результат - взятие Зимнего и смену старого социального порядка.

«Избыточный» политический «поступок», в котором нет компромиссного и прагматического разрыва и где уровень желания совпадает с уровнем воображения, позволяет Ленину успешно действовать и *утром после*. Для находящегося в 1918 году в Царицыне Сталина чистым безумием выглядит телеграмма Ленина от 7 июля 1918 года Коба в Царицын, где в ситуации безнадежного военного поражения озверевший от отчаяния и водки Коба не может собрать с разоренных войной территорий требуемый в Центр хлеб: «Повсюду необходимо беспощадно подавить этих жалких и истеричных авантюристов. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте почаще». Не веря в этот жалкий фантазматический бредовый приказ, Коба тем не менее механически сделал то, что велел Ленин и был поражен результатами: к 18 июля уже пять вагонов с хлебом пошли в Москву⁴⁸.

Впереди был выигрыш в Гражданской войне и выигрыш коммунистической системы в целом...

¹ Жижек Славой. *Ирак: история про чайник* (М.: Праксис, 2004), с. 213-216

² См., например, Montefiore, Simon Sebag. *Stalin: The Court of the Red Tsar* (New York: Alfred A. Knopf, 2004).

³

Шатуновская Лидия. *Жизнь в Кремле* (New York: Chalidze Publications,

⁴

1982), с. 190.

Гусляров Е.Н. *Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков* (М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003), с. 574.

- 5 Судоплатов Павел. *Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы* (М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003), с. 576.
- 6 Там же, с. 520.
- 7 Радзинский Эдвард. *Сталин* (М.: Вагриус, 1997), с. 459-460.
- 8 Там же, с. 257.
- 9 Боннэр Елена. *Дочки-матери* (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1991), с. 161.
- 10 Радзинский Эдвард. *Сталин*, с. 393.
- 11 Там же, с. 403.
- 12 Там же, с. 402.
- 13 Там же, с. 403.
- 14 Beria, Sergo. *Beria. My Father. Inside Stalin's Kremlin* (Duckworth, London, 2001), p. 147.
- 15 Аллилуева Светлана. *Только один год* (New York and Evanston: Harper&Row, 1969), с. 340.
- 16 Берия Серго. *Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти* (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004), с. 32.
- 17 Судоплатов Павел. *Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы* (М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003), с. 529-530.
- 18 Аллилуева Светлана. *Только один год*, с. 355-356.
- 19 См. Жижек Славой. *13 опытов о Ленине* (М.: Ад Маргинем, 2003), с. 84-94.
- 20 Цит. по: Сухомлинов Андрей. *Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела* (М.: Детектив-Пресс, 2004), с. 225-226.
- 21 Жижек Славой. *13 опытов о Ленине* (М.: Ад Маргинем, 2003), с. 92.
- 22 Там же, с. 92.
- 23 Vasilieva, Larisa. *Kremlin wives* (New York: Arcade Publishing, 1994), p. 185.
- 24 Beria, Sergo. *Beria. My Father. Inside Stalin's Kremlin*, p. 158.

- 25 Beria, Sergo. *Beria. My Father. Inside Stalin's Kremlin* (Duckworth, London, 2001), p. 145
- 26 Ibidem, p. 143.
- 27 Аллилуева Светлана. *Двадцать писем к другу*, с. 159.
- 28 Там же, с. 169.
- 29 Там же, с. 341.
- 30 Beria, Sergo. *Beria. My Father. Inside Stalin's Kremlin*, p. 141
- 31 Ibidem, p. 14.
- 32 Ibidem, p. 14.
- 33 Аллилуева Светлана. *Двадцать писем к другу*, с. 356.
- 34 Zurancic, Alenka. *Ethics of the Real. Kant, Lacan* (L.: Verso, 2000), p. 174.
- 35 Цит. по Авторханов Абдурахман. *Загадка смерти Сталина (заговор Берия)* (Frankfurt: Посев, 1976), с. 12.
- 36 Авторханов Абдурахман. *Загадка смерти Сталина (заговор Берия)* (Frankfurt: Посев, 1976), с. 132.
- 37 Радзинский Эдвард. *Сталин* (М.: Вагриус, 1997), с. 82.
- 38 Там же, с. 83.
- 39 Там же, с. 91-93.
- 40 Там же, с. 93.
- 41 Там же, с. 93.
- 42 Волкогонов Дмитрий. *Ленин. Политический портрет*. Книга 1. (М.: Новости, 1994), с. 10.
- 43 См. Жижек Славой. *Ирак: история про чайник* (М.: Праксис, 2004), с. 105-106.
- 44 Там же, с. 159.
- 45 Там же, с. 161.

⁴⁶ Там же, с. 163.

47 Zizek, Slavoj and Dolar, Mladen. *Opera s Second Death* (New York; London: Routledge, 2002), p. 188.

⁴⁸ Радзинский Эдвард. *Сталин*, с. 158.